

Семантическое наполнение концепта «любовь» в романе А. Калинкиной «Сетунь»

Lexemes Explicating the Concept of «Love» in the Novel «Setun» by A. Kalinkina

DOI: 10.12737/2587-9103-2026-15-4-7-16

Получено: 01 июня 2026 г. / Одобрено: 25 июня 2026 г. / Опубликовано: 26 августа 2026 г.

И.И. Просвиркина

Д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры русского языка № 2 Института русского языка; профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: prosvirkina-ii@rudn.ru

I.I. Prosvirkina

Institute of the Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University). Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language No. 2, Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching at the Faculty of Philology. 10, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia e-mail: prosvirkina-ii@rudn.ru, ORCID iD: 0000-0002-4052-28-53

Н.М. Дмитриева

Д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко», Россия, 460018, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: dmitrieva1977@yandex.ru

N.M. Dmitrieva

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, 13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russia, e-mail: dmitrieva1977@yandex.ru, ORCID iD: 0000-0002-5860-5374

Э.А. Садыкова

Учитель русского языка и литературы государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 1347», Россия, 119618, Москва, ул. Главмосстроя, дом 28, e-mail: Elmira-sadykova-98@mail.ru, ORCID iD: 0009-0006-0170-1222

E.A. Sadykova

Teacher of Russian Language and Literature, State Budgetary Educational Institution of the City of Moscow "School No. 1347", 28, Glavmosstroya St., Moscow, 119618, Russia, E-mail: Elmira-sadykova-98@mail.ru, ORCID iD: 0009-0006-0170-1222

Аннотация

Введение. Актуальность исследования метафорических коннотаций одного из активно изучаемых концептов – «любовь» – в современных художественных текстах обусловлена динамичным расширением культурно-лингвистической парадигмы и связана не только с относительной новизной направления, но и с плодотворным синтезом областей научного поиска (нейролингвистикой, когнитивистикой, автоматизированным анализом естественно-языковых систем и т.п.). Особую ценность приобретает анализ семантической архитектоники этических концептов в жанровом пространстве современной русскоязычной постапокалиптической прозы, в текстах которой наблюдаются семантические трансформации аксиологических понятий, в частности концепта «любовь».

Целью статьи является когнитивный анализ семантического содержания этического концепта «любовь» в тексте постапокалиптического романа А. Калинкиной «Сетунь».

Методология, методы и методики. Для достижения поставленной цели были использованы метод анализа научной литературы и когнитивный анализ, разработанный Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном [17].

Результаты. По итогам проведенного исследования уточнено содержание концепта «любовь» как когнитивного феномена на основе отобранных и проанализированных ключевых метафорических коннотаций.

Abstract

The article examines the semantic and connotative-evaluative transformations. The article is devoted to the consideration of the features of explicating the concept of «love» by means of lexemes based on the novel by A. Kalinkina «Setun».

Introduction. The relevance of the study of lexemes explicating the concept of «love» in modern literary texts is due to the dynamic expansion of the cultural and linguistic paradigm, which is associated not only with the relative novelty of the direction, but also with a fruitful synthesis with rapidly progressing fields of scientific research: neurolinguistics, cognitive linguistics, and automated analysis of natural language structures. Of particular value is the analysis of the semantic architectonics of ethical concepts in the genre space of modern post-apocalyptic prose, in the texts of which semantic transformations of axiological notions are observed, including the concept of «love» in Russian-language literary discourse.

Aim: to analyze the content of lexemes explicating the concept of «love» based on the novel by A. Kalinkina «Setun».

Methodology, methods and techniques. To achieve the set goals and objectives, the method of scientific literature analysis and the cognitive analysis developed by George Lakoff and Mark Johnson were employed [17].

Results. Based on the results of the study, the definition of the concept «love» as a communicative and linguocultural phenomenon is presented. In addition, the key lexemes that the author uses in the process of explicating

ций концепта, с помощью которых автор создаёт коммуникативное пространство в художественном мире постапокалиптического романа «Сетунь».

Научная новизна заключается в уточнении семантических изменений этического концепта «любовь» в романе «Сетунь», отражающих трансформацию нравственного понимания, переосмысления этической категории под воздействием экстралингвистических факторов коммуникативного пространства художественного текста.

Практическая значимость результатов исследования связана с тем, что полученные материалы могут быть использованы при анализе смысла коммуникативных ситуаций, бытующих в постапокалиптических романах со студентами на занятиях по стилистике, когнитивистике, лингвокультурологии и филологическому анализу текста.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, этический концепт, любовь, метафорическая коннотация, художественный текст, постапокалиптический роман, семантика.

Введение

В течение многих лет интерес к исследованию концептуальной сферы в гуманитарных науках не пропадает, по-видимому, потому что анализ языковых форм позволяет по-новому осмыслить подвижную семантику многих лингвистических, когнитивных, лингвокультурных феноменов. Исследования одного и того же концепта может проводиться на разном языковом материале, расширяя спектр его семантики. Каждый исследуемый текст (идиоматические единицы, художественный, публицистический и т.д.) позволяет увидеть символическое, метафорическое или образное наполнение, которое появляется у лексической единицы под влиянием изменений, происходящих в коммуникативном пространстве. В художественных текстах, через когнитивные модели реализующих скрытые смыслы в определенном культурном сообществе, автор способен транслировать обновленную интерпретацию, казалось бы, всем известных концептов. Примечательно то, что применение различных методов относительно анализа одного и того же концепта может давать различающиеся результаты, потому что ракурс рассмотрения часто высвечивает новые нюансы смыслов. Одним из приоритетных направлений становится рассмотрение этических концептов и способов их актуализации в изменённых, порой фантастических, коммуникативных пространствах с помощью комплексного подхода к анализу исследуемого материала (лингвистического, лингвокультурологического, когнитивного).

В XXI в. морально-нравственная сфера сохраняет актуальность прежде всего в связи с тем, что духовно-нравственные паттерны стремительно меняются под воздействием различных факторов. В области лингвистики, литературоведения, коммуникативистики, когнитивистики рассматривается семантическое наполнение базовых для русской ментальности аксиологических концептов, ядро которых составляют этические, определяющие систему цен-

ностей в отношениях человека с человеком, миром и Богом. Не менее важны исследования в области метафорических коннотаций, на которые указывали Ю.Д. Апресян [3], Н.В. Телия [22], Дж. Лакофф и М. Джонсон [17], Н.Н. Кислицына [14]. Н.Н. Кислицына подчёркивает, что исследование феномена лингвистической коннотации позволяет «...выйти за пределы системы координат, задаваемой языковой системой» [14, 7 с.], а также определить «результат когнитивной интерпретации окружающего мира носителями языка» [14, 10 с.].

the concept of "love" in the author's artistic world of the novel «Setun» are listed. The scientific novelty consists in clarifying the semantic transformations of the ethical concept of «love» in the novel «Setun», which reflect the transformation of the moral understanding and re-evaluation of the ethical category under the influence of extralinguistic factors of the communicative space of the literary text.

The practical significance of the research results is related to the fact that the materials obtained can be used in the analysis of communicative situations in post-apocalyptic novels with students in classes on stylistics, cognitive linguistics, linguoculturology, and philological text analysis.

Keywords: communicative space, ethical concept, love, metaphorical connotation, literary text, post-apocalyptic novel, semantics.

В научных работах можно проследить, как изменяются нравственные представления, трансформируются ценности, искажаются (или эволюционируют) идеалы. Так, довольно глубоко в науке исследованы концепты, фиксирующие ценностные оценки, например, анализ концептов «добро», «зло», «благо», «грех» и др. (Н.М. Дмитриева, Ю.С. Степанов, Н.Л. Чулкина, Я. Цуй и др.), «душа» (Е.Г. Авдышева и др.), «патриотизм» (Е.Н. Медведева и др.) и др. Помимо перечисленных, анализу ценностных концептов и, в частности, концепта «любовь» посвящены работы К.Г. Аглиуллиной, Л.В. Борисовой, О.Г. Владимирова, С.Г. Воркачева, М.Ч. Кремшюкаловой, В.В. Макашовой, М.С. Миловановой, С. Хэцин, Т.А. Чепраковой, И.Р. Шибзуховой и др.

Концепт «любовь» исследуется на различном языковом материале: от словарных дефиниций, идиом до публицистических и художественных текстов. Анализ этических концептов на материале художественных текстов (прозаических и поэтических) показывает прежде всего индивидуально-авторское восприятие, раскрывает «коммуникативный климат» всего произведения, расставляет аксиологические приоритеты автора и определяет тем самым ценностный вектор произведения. Исследовательская практика демонстрирует недостаточное внимание к новейшим литературным текстам: аналитические усилия исследователей при изучении морально-нравственной концептосферы концентрируются преимуще-

щественно на классическом наследии, тогда как обращение к современной прозе ограничивается произведениями, опубликованными до начала текущего десятилетия. Между тем анализ семантической организации этических концептов в постапокалиптических произведениях обладает существенной эвристической ценностью, поскольку указанный жанровый сегмент аккумулирует актуальные языковые трансформации и культурные тенденции, характеризующие современное состояние русской коммуникативной практики.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что оно вносит вклад в разработку понятийного аппарата, касающегося содержания этического концепта «любовь», демонстрируя возможные семантические изменения ценностных категорий под воздействием глобальных катастроф, искажающих привычное нам коммуникативное пространство.

Научная новизна исследования представлена тем, что впервые осуществлена реконструкция содержания этического концепта «любовь» в языковом сознании носителя русского языка под воздействием трагедий, когда под их влиянием изменяется коммуникативное пространство и расставляются иные смысловые приоритеты при определении истинных ценностей, как в романе А. Калинкиной «Сетунь».

Постановка проблемы. Теоретическая часть

Концепт в течение многих лет привлекает ученых-исследователей: психологов, философов, лингвокультурологов, лингвистов, когнитивистов и др. В настоящее время в русле когнитивной науки развиваются активно два направления: когнитивно-дискурсивное и когнитивно-семантическое. В русле когнитивно-семантического направления (Н.Н. Болдырев, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.) концепт изучается с точки зрения того, как лексическая и грамматическая семантика языка становятся средством доступа к содержанию концептов и их моделирования — от семантики языка к концептосфере [19].

Кроме того, в когнитивной лингвистике сложилось два методических подхода к исследованию концепта. С одной стороны, собственно когнитивный, изучающий способы выражения ментальности в языке, с другой — лингвокультурный — делающий акцент на изучении того, что именно из культурного наследия того или иного народа запечатлено в языковых единицах.

Представители лингвокультурологического направления (В.И. Карасик, Ю.С. Степанов) рассматривают концепт как базовую единицу культуры, акцентируют троичную сущность явления, то есть его одновременное существование в языке, когни-

тивной сфере и культурной традиции этноса. Соответственно, В.И. Карасик выстраивает многоуровневую структуру, включающую понятийное измерение (словесное воплощение), образное (перцептивно-мнемонический отпечаток феноменов действительности) и ценностное (статус в аксиологической иерархии лингвокультурного сообщества) [8], тогда как Ю.С. Степанов концентрирует внимание на константности смыслов концепта и изучает его диахронические слои: этимологический, исторический, актуальный [21].

При этом в рамках когнитивно-дискурсивного направления рассматривается формирование смыслов в движении от коллективного культурного опыта к индивидуальной концептосфере и, наоборот, исследуется противоположный вектор — от личностных ментальных структур к надындивидуальным культурным образованиям в рамках когнитивно-семантического. В частности, В.И. Карасик определяет концепт как «направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт — это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [16, с. 97]. Таким образом, лингвокогнитивная методология фокусируется на процессах объективации индивидуального знания в культурном континууме, в то время как лингвокультурологическая перспектива акцентирует интериоризацию культурных смыслов сознанием носителя языка.

Ментальная сущность концепта определяет его двойственность, т.е. принадлежность к языковым и когнитивным системам одновременно. Специалисты по когнитивным процессам (З.Д. Попова, И.А. Стернин) подчеркивают связь этого феномена с категоризацией опыта. Авторская модель концепта, в свою очередь, строится на противопоставлении ядра и периферии: ядерные элементы представлены чувственно-наглядными образами, обеспечивающими быструю активацию в мышлении, периферийные же зоны содержат абстрактные признаки [20]. И ядро, и периферия содержат метафорические коннотации.

В нашем исследовании мы попытались объединить подходы и проследить концептуальное «поле» любви в авторской картине мира, обращая внимание и на традиционные культурные смыслы, определяющие содержание концепта «любовь», и на метафорические значения, существующие в художественном тексте романа «Сетунь».

Прежде всего, обратим внимание на особый статус концепта «любовь», по крайней мере, в русской языковой картине мира. С одной стороны, исследователи классифицируют его как абстрактный. Так, например, в трёхкомпонентной модели концепта, разработанной И.А. Даниленко и включающей понятийный, образный и аксиологический элементы,

любовь, наряду с душой, временем, счастьем, жизнью определяется как абстрактная сущность в связи с тем, что лишена фиксированного визуального отображения в когнитивной системе языковой личности, что противопоставляет ее концептам с чёткой референтной основой, наделённой конкретным зрительным эквивалентом (это прежде всего такие лингвокультурные единицы как «хлеб», «матрёшка», «колобок») [9].

С другой стороны, утверждается отнесенность любви к эмоциональным концептам. Однако, что особенно важно для нашего исследования, эмоциональность не исключает нравственную наполненность концепта и его аксиологическую, ценностную природу. Здесь следует выделить работы С.Г. Воркачева и его ученицы Л.Э. Кузнецовой. Определяя любовь как межличностное чувство и как эмоциональный лингвокультурный концепт, на основе анализа этических и психологических трудов Л.Э. Кузнецова выделяет следующие признаки в семантической модели «любви»: «интегральный признак «ценность», центральное положение предмета любви в системе ценностей субъекта, признак «положительность», немотивированность выбора объекта любви, сексуальная окрашенность» [15, с. 32]. Как видим, ценностная составляющая любви учитывается, но рассматривается она с точки зрения субъекта, наделённого чувством любви. Этическая же составляющая концепта гораздо сложнее и глубже.

Н.М. Дмитриева определяет любовь как этический концепт-константу, занимающий центральное место в ценностной парадигме русских, что связано, по мнению исследователя, прежде всего с его христианскими истоками. Сравнительно-исторический анализ имени концепта и его дериватов позволяет утверждать, что исконный смысл концепта — «благо, дарованное Богом и заключающееся в умении сострадать и творить добро» [10, с. 93]. Эта укорененность отмечается Т.И. Вендиной в сознании средневекового человека на базе анализа лексики старославянского языка: любовь понималась как «возвышенное, святое чувство, дарованное как благо, ниспосланное человеку Богом», при этом любовь мыслилась как духовная связь человека с людьми, которым он сострадает [7, с. 229–230].

Отметим, что жертвенность любви, идеалом которой является сам Христос («Бог есть Любовь»), остается в русской картине мира константной семей, хотя многими исследователями подчеркиваются изменения в восприятии дериватов с корнем *люб-* [11]. С одной стороны, со временем происходит заметная эротизация любви, с другой — ее мельчание, когда вместо любви к Богу, к Родине, к матери носителей языка все больше занимает любовь к сосискам, мод-

ной одежде и пр. Эта сема «пристрастия» была характерна имени концепта и в древности, однако соотношение было иным, кроме того любовь к чему-то четко разграничивала греховные пристрастия и добродетели, например, люблагоутробный — расположенный к милосердию, любодобродетельный — любящий добродетель, любодевственный — внимательно хранящий девство, любострадалец — почитатель мучеников, любосмиранный — любящий смирение и др., и, наоборот, любобранный — пристрастный к войне, любосластец — тот, кто стал рабом похотей плотских, погряз в скверне, люботелесие — слишком большая забота о теле, любовещественный — пристрастный к мирской суете и т.д. [12]. В современном понимании, как отмечают Н.М. Дмитриева и Н.Л. Чулкина, любовь трактуется как выраженная аффективная зависимость от конкретного объекта — индивида, персонажа или вещи; как связь с людьми, животными, артефактами, порождающая эмоциональный отклик; как переживание, направленное субъектом на другого; как межполовое взаимодействие; как релятивный концепт, причиняющий одной из сторон страдание; как биохимический процесс, обуславливающий привязанность к человеку, животному, объекту; как церебральная реакция, стимулирующая репродуктивное поведение [11]. При этом среди полученных в ходе опроса дефиниций обнаружились и этически маркированные, свидетельствующие о преимуществах традиционных ценностных установок русской культуры в лингвистическом сознании респондентов: «самопожертвование во имя блага ближнего; взаимное признание ценности личности; подлинная эмоциональная привязанность; способность подчинять собственные потребности благополучию другого; возвышенное переживание; переживание, наполняющее внутренний мир индивида теплом и др. [11]

Ю.С. Степанов подчеркивает двунаправленность концепта: с одной стороны, субъект испытывает любовь, с другой, она всегда направлена вовне, на объект. Автор указывает, что концепт «любовь» развивался по семантической модели взаимоотношений двух лиц (Ю.С. Степанов находит ту же модель в концептах «слово» и «вера»), где прослеживаются три составляющих, а именно, взаимное подобие, вызывание этого подобия действием и осуществление цикла действий, при этом участники меняются ролями [22, с. 419]. Кроме того, автор выделяет специфику отечественного восприятия любовного чувства, характеризующегося триединством: земная природа сочетается с нравственной чистотой и сопричастностью сакральному началу [22, с. 437].

И.А. Иванова обращается к анализу глубинных слоёв концепта при исследовании семантических

отличий слов, эксплицирующих концепт в разных языках (старославянском и церковнославянском) и в разные периоды, вплоть до современного русского языка, делая акцент на этнокультурных различиях [13].

Интересны работы, исследующие концепт «любовь» в художественном тексте, акцентирующие внимание на различных аспектах проявления любви. Например, диссертация И.А. Даниленко раскрывает многоуровневую структуру концепта «любовь» через анализ взаимосвязи любовного чувства и экзистенциального одиночества в романе Ф.С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби». Для нас в этом исследовании важно утверждение автора о том, что фитцджеральдовское осмысление любви опирается на универсальные культурные коды (включающие, безусловно, ценностную составляющую — прим. авторов), интегрируя индивидуально-авторскую образность с фольклорными, мифопоэтическими и религиозными архетипами [5].

Бесспорно, концепт «любовь» выступает универсальным компонентом концептосферы различных национальных языков, что заставляет исследователей обращаться к сравнению репрезентации концепта в различных этнокультурах (С.Г. Воркачев, К.Г. Аглиуллина В.В. Макашова). Однако нам представляется важным, что, характеризуя концепт «любовь» как *телеономный феномен* (термин введен С.Г. Воркачевым), авторы подчеркивают его роль в формировании этического идеала, в определении смысла человеческого существования. Именно любовь оправдывает предельное самопожертвование: концепт является «образующим и воплощающим для человека нравственный идеал, ради которого стоит жить и не жалко умереть» [8, с. 63].

Сосредотачиваясь на этической стороне концепта «любовь», необходимо отметить, что специфика морально-нравственных концепций определяется способностью разума соотносить актуальное бытие с нормативными императивами, конструируя при этом градацию действительности сообразно эталонным образцам [12]. В противоположность эмоциям, которые схватываются имманентно посредством субъективного переживания, духовные измерения человеческого существования осваиваются как виртуальная возможность. Сложность анализа этических концептов связана с тем, что лексические единицы, вербализующие этические смыслы, не имеют перцептивных прообразов [10].

Как видим, концепт «любовь» в современной науке является одной из наиболее изученных категорий, однако существует не очень много работ, которые рассматривают концепт «любовь» в аспекте когнитивистики. В основном, когнитивные исследования затрагивают измерение лексем, попадающих в поле концепта «любовь». Так, исследование

М.А. Шукуровой, в котором сочетается полевое описание с когнитивно-прагматическим анализом, позволяет реконструировать механизмы функционирования фразеологических единиц, включающих слово «любовь» [26]. Т.Я. Яковец указывает на когнитивные свойства концепта «любовь» в единицах французского паремияльного фонда (легкомысленность чувства любви; любовь приносит радости и огорчения; любовь — не вечное чувство и др.) [27].

Новизной нашего исследования стало проведение когнитивного анализа метафорических коннотаций концепта любовь как этической единицы, представляющей собой ценностность для концептосферы русской ментальности, и трансформировавшейся в художественном тексте романа под воздействием экстралингвистических факторов постапокалиптического коммуникативного пространства.

Материалы и методы исследования

В качестве материала для анализа были выбраны лексические единицы, микроконтексты, эксплицирующие концепт «любовь» в романе А. Калинкиной «Сетунь». Ещё в статье В.А. Успенского о «вещных коннотациях» высказывается мысль о том, что абстрактные понятия нельзя анализировать привычным образом. Позже идея В.А. Успенского получила своё решение в концепции Лакоффа и Джонса, предложивших все абстрактные понятия рассматривать как метафорические концепты и анализировать их через более простые и понятные смыслы: «Метафора — это единственный способ осмысления абстрактных сущностей. Следовательно, анализ несвободной сочетаемости абстрактного имени позволяет восстановить те знания и представления, которые связаны с соответствующей абстрактной сущностью в данной культуре» [17]. Ввиду вышесказанного в качестве метода выбран анализ, предложенный Джоржем Лакоффом и Марком Джонсоном для сенсорных слов (концептуальных метафор) через обращение к контекстам, в которых он репрезентируется в языке в виде скрытых сравнений (метафор) через другие, более понятные носителям языка, понятия.

Результаты, дискуссия

Ядром концепта «любовь» в его актуальном (по Ю.С. Степанову) слое является, конечно, толкование данного феномена, зафиксированное в современных словарях. Мы сравнили толкования, представленные в словарях Д.В. Дмитриева и А.П. Гуськовой, Б.В. Сотина.

Так, в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.В. Дмитриева зафиксировано четыре значения:

«Любовью называют самое лучшее доброе чувство, которое вы испытываете к дорогим для вас людям: к вашим детям, близким родственникам...

Любовью называют сильное серьёзное чувство, которое вы испытываете к другому человеку, который вам очень нравится, привлекает вас сексуально...

Любовью к родине называют искреннюю готовность гражданина выполнять свой долг по отношению к своей стране (работать для неё, защищать её)...

Любовью к чему-нибудь называют чувство, которое вы испытываете по отношению к тому, что вам нравится, интересно делать....» [31, С. 557–558].

Популярный словарь русского языка (толково-энциклопедический) [29] фиксирует пять основных значений слова любовь:

1. Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. *Люблю отчизну я, но странною любовью!..*

2. Чувство сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. *Тайная любовь. ...*

3. Разг. О человеке, внушающем такое чувство. *... Это Алёшкина любовь ...*

4. Чувство расположения, симпатии к кому-л. *Главная же хорошая черта его, вызывающая почти общую любовь к нему...*

5. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. *Любовь к книгам...*» [29, с. 457].

Можно сделать вывод, что любовь — это сильное чувство, которое испытывает человек по отношению к живому или неживому объекту.

Рассмотрим, как реализованы, дополнены или изменены акценты понимания смысла концепта «любовь» в отобранных нами материалах. Так как понимание и переживание сенсорных сущностей (сфера-мишень) происходит через понимание и переживания сущности другого рода (сфера-источник) мы, определив «любовь» как сферу-мишень вычленили в тексте несколько сфер-источников, с помощью которых и создаётся в романе концептуальное авторское понимание этического концепта «любовь».

Из текста романа А. Калинкиной нами были извлечены «смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами...» [Н.Н. Болдырев]. По результатам проведенного анализа извлечённых из текста романа «Сетунь» слов, словосочетаний, предложений, следует, что автор характеризует понятие «любовь» «от противного»: его герои больше говорят о «нелюбви», значительная часть лексических единиц рисует именно «нелюбовь»: «Ему-то ладно, он привык, а вот Ланка... Тем более что она его *не любит*. Ну, может, за столько-то лет привыкла, *привязалась на свой лад, оценила его заботу*. Но это *не любовь*». Центром концепта «любовь» в тексте рома-

на «Сетунь» становится отрицание любви, как некоего сильного, часто вдохновляющего, возвышенного чувства, которое может побудить любящего совершить подвиги, создавать, творить. Ядром концепта в романе становится отрицание того чувства, которое зафиксирован в толковых словарях (табл. 1).

Таблица 1

Сфера-мишень «любовь» поясняется сферой-источником «нелюбовь», смысл которой толкуется в контексте с помощью понятий «привычка, привязанность, благодарность»

Сфера-мишень	Сфера-источник
любовь	нелюбовь ↓ привычка, привязанность, благодарность

В том пространстве, в котором разворачивается действие романа, известное всем значение слова *любовь*¹, закреплённое в толковых словарях, воспетое писателями и поэтами, «подменяется» понятием «нелюбовь», которое раскрываются через другие экспликативы (слова и словосочетания): *привычка, привязанность, чувство благодарности*. Таким образом, центром концепта становится раскрытие понятия «нелюбовь» как что-то, заменяющее традиционное понятие любви (сочетание эмоционального, духовного и физического влечения) и тем самым принижающее её поэтичность, но высвечивающее её прагматическую необходимость, без которой исчезнет жизнь на земле. Любовь для героев романа — это прагматичное чувство: с точки зрения мужчины — это обязанность быть опорой (любовь — опора), создать семью, продолжить род; с точки зрения женщины — обязанность заботиться о мужчине, семье, потомстве (любовь — обязанность). Даже когда возникает призрачный образ «первой любви» (любви-переживания) — это чувство одобряется обществом только из прагматичных соображений: «Парню шестнадцать, ей семнадцать. Я давно заметил, что у них *любовь*. Рановато, конечно, но сейчас времена такие. Может, даже лучше, что рано *создадут семью*». В данном микротексте между значением слова «любовь» и значением словосочетания «создание семьи» автор ставит знак равенства: никаких страданий, переживания — это просто чувство, которое оценивается в данном коммуникативном пространстве как положительное, полезное для данных людей и для всего общества, потому что будет создана семья,

¹ Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. Материнская л. Л. к другу. 2. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. Жениться по любви // Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов (общ. ред.) [https://gramota.ru/poisk?query=любовь&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=любовь&mode=slovari&dicts[]=42)

возможно, появятся дети (любовь — семья). Ценностью в данном коммуникативном пространстве становится то, что чувство, которое условно называется словом «любовь», может связать двух людей, позволит им создать семью и выжить, так как художественный мир романа — это постапокалиптический мир и главная цель — жить для того, чтобы продолжить род людской. Итак, ядром концепта является мысль: «любовь — это форма выживания» (любовь — жизнь). Для женщины любовь — это ещё и смысл жизни: «Он рад был, что у Светланы появился *смысл в жизни*, но иной раз ощущал досаду — так, как к малышу, она никогда не относилась ни к нему, ни к Матвею, ни к дочери». Любовь — это то, что может возродить любого человека, заставить его жить ради другого, особенно ради ребёнка. Главный герой видит проявление любви Светланы к ребёнку и понимает, что именно чувство возрождает её к жизни, именно на это крошечное существо направлены внимание, ласка, забота женщины. Рождение ребёнка в трагические времена осмысливается как подарок судьбы и как надежда на то, что жизнь продолжается (любовь — смысл жизни).

Что нужно человеку, чтобы выжить в жестоком мире постапокалипса? Прежде всего забота друг о друге: умение найти пропитание, лекарство, предоставить все необходимое для жизни. И в этом значении понятие *любовь* сохраняет одно из базовых значений, зафиксированных в русской культуре: любовь как призрение и забота о ближнем (любовь — забота): «Михаил чувствовал — самое главное в его жизни уже случилось, теперь остается только *заботиться* об Ирке». Или любовь как непричинение зла другому: «А он меня *любит и обижать не станет*» (любовь — защита). Часто между словом любовь и словом защита от трудностей герои романа ставят знак равенства: «И я хочу быть всегда здесь, пусть для этого придется мыть полы или стать чьей-нибудь женой». В данном случае концепт эксплицируется как условие, согласно которому герой не станет причинять боли героине, поскольку не испытывает к ней чувства ненависти и хочет защитить её. Конечно, защитник — это опора и «заплатить» ему за это можно только преданностью: «Он заберет ее отсюда, и они *будут вместе*, и никто больше *не посмеет их разлучать*». В данном примере любовь эксплицируется как намерение быть преданным и пройти до конца, лишь бы не разлучаться с *защитником*.

Любовь как борьба за право остаться в живых, выжить, потому что без защитника трудно слабому человеку быть живым: «Устинья то и дело старалась подойти поближе и вообще всячески *демонстрировала свои права на него*, которых он за ней не признавал». Устинья боится потерять опору в жизни,

поэтому готова пойти на любые унижения, лишь бы сохранить своего защитника. Но есть в сердце человека, живущего в постапокалиптическом мире, ностальгическое чувство, которое отсылает его к воспоминаниям о прошлом: «Михаил испытывал *щемящее чувство*, видя эти станции, такие знакомые, после долгого перерыва». В данном примере атрибутивное сочетание «щемящее чувство» вводится в качестве синонима для любви как чувства привязанности к родным местам, к счастливому прошлому (любовь-ностальгия).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что даже когда человек находится в сложных жизненных обстоятельствах, когда всё вокруг рушится, — остаётся чувство, которое помогает понять смысл и заставить бороться за жизнь, — это любовь-«нелюбовь», которая просто стала другой. «Нелюбовь» — это трансформация знакомого нам чувства, которое после катастрофы обнажает через метафорические коннотации истинный смысл, заложенный в этом слове. В табл. 2 представлены синонимы сферы-источника («нелюбовь»), поясняющие добавочные смыслы, репрезентирующие в тексте романа скрытые сравнения через прагматичные и более понятные человеку, находящемуся на краю существования, но продолжающему жить.

Таблица 2

Синонимы сферы-источника («нелюбовь»)

Сфера-мишень	Сфера-источник («нелюбовь»)
любовь	жизнь (выживание)
	смысл жизни
	семья, создание семьи
	опора в жизни
	обязанность (создать семью, заботиться о семье)
	призрение и забота (членов семьи)
	защита (жены, детей)
	ностальгия

На основе результатов анализа мы можем отметить, что источником метафорических коннотаций лексем, эксплицирующих концепт «любовь» в современной постапокалиптической прозе, становятся «скрытые смыслы» в традиционных для русской культуры представлениях о любви как о чувстве, позволяющем проявлять заботу, опекать, защищать и оберегать другого, а также современные представления, характерные для особенностей мышления носителей русского языка XXI в., которые определяют любовь как иррациональное чувство, помогающее выжить, приспособиться, привыкнуть.

Заключение

По результатам исследования были сформулированы следующие выводы.

1. Концепт следует понимать как фундаментальную лингвокультурную единицу, через которую коллективное этномаркированное содержание интериоризируется индивидуальным сознанием. Такая интерпретация подчеркивает триединую природу феномена: его укорененность в языковой системе, когнитивных структурах и культурной памяти социума.
2. Концепт «любовь» является одним из ключевых для языковой картины мира каждого народа. В русском языковом сознании данный концепт связан с первоначальным проявлением любви к ближнему, проявлению к нему заботы и участия. Вместе с тем с развитием языкового сознания и изменением социокультурного окружения сдви-

гаются смысловые акценты в понимании данного концепта.

3. В романе А. Калинкиной «Сетунь» концепт «любовь» эксплицируется как привязанность или привычка, приспособляемость, стремление заботиться о ком-то. В произведении сочетаются как изначальные смыслы ядра данного концепта, имеющие православные истоки, так и представления о любви как об иррациональном чувстве, с помощью которого можно «устроить» свою жизнь.
4. Концепт «любовь» подвержен изменениям в зависимости от времени, коммуникативного пространства, экстралингвистических факторов, формирующих это пространство, и потребностей человека в той или иной жизненной ситуации.

Перспективным представляется изучение данного концепта с применением комплексного анализа, а также современных цифровых инструментов.

Литература

1. Авдышева Е.Г. Репрезентация понятия «душа» в разноструктурных языках: сопоставительно-аксиологический аспект [Текст] / Е.Г. Авдышева. — Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2023. — 445 с.
2. Аглиуллина К.Г. Концепт «Любовь» в романе-эпопее Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» [Текст] / К.Г. Аглиуллина, В.В. Макашова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2023. — № 4. — С. 62–70.
3. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) [Текст] / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — С. 156–177.
4. Бирюлина Е.А. Аксиологический концепт «Гуманный человек» в русской лингвокультуре [Текст] / Е.А. Бирюлина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — № 1. — С. 116–125.
5. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 4. — С. 21–79.
6. Борисова Л.В. Лексико-семантическая репрезентация концепта ЛЮБОВЬ в поэме К. Иванова «Нарспи» [Текст] / Л.В. Борисова, О.Г. Владимирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — №18. — С. 4157–4163.
7. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка [Текст] / Т.И. Вендина. — М.: Индрик, 2002. — 336 с.
8. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта «любовь» в русской и испанской паремииологии [Текст] / С.Г. Воркачев // ФН. — 1995. — № 3. — С. 56–66.
9. Даниленко И.А. Когнитивно-герменевтическое моделирование архитектоники дуального художественного концепта «любовь — одиночество»: на материале произведения Ф.С. Фитцджеральда «The Great Gatsby» [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Даниленко. — Белгород, 2019. — 25 с.
10. Дмитриева Н.М. Морально-нравственные концепты в этической концептосфере русской языковой картины мира [Текст]: монография / Н.М. Дмитриева. — Оренбург: Изд-во ОГУ, 2017 — 196 с.
11. Дмитриева Н.М. Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «любовь» — «милосердие» — «целомудрие» — «добродетель» [Текст] / Н.М. Дмитриева, Н.Л. Чулкина // Русистика. — 2022. — № 1. — С. 52–67.
12. Иванова И.А. Концепт любовь и его концептосфера в истории русского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Иванова. — М., 2006.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
14. Кислицына Н.Н. Концепция лингвистической коннотологии (когнитивно-дискурсивный аспект) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.Н. Кислицына. — Симферополь, 2021.
15. Кузнецова Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Э. Кузнецова. — Волгоград, 2005. — 210 с.
16. Кремшюкалова М.Ч. Культурные коды как аксиологические репрезентанты концепта «любовь» [Текст] / М.Ч. Кремшюкалова, Т.А. Чепракова, И.Р. Шибзухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 7. — С. 251–255.
17. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М., 2004. — 252 с.
18. Медведева Н.Е. Экспликация концепта «патриотизм» в мировых культурах: сопоставительный анализ [Текст] / Н.Е. Медведева // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2025. — № 6. — С. 36–44.
19. Попова З.Д. Язык и национальное сознание [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Вопросы теории и методологии. — 2002. — № 1. — С. 32–38.
20. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) [Текст] / Ю.С. Степанов. — М., 1985. — 314 с.
21. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Академический проект, 2004. — 992 с.
22. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция [Текст] / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. — М.: Наука, 1988. — С. 26–51.
23. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных сущительных [Текст] / В.А. Успенский // Семиотика и информатика. — М., 1979. — Вып. 35. — С. 146–152.

24. Хэцин С. Динамические изменения концепта любовь в современных коммуникативных жанрах (на материале интернет-коммуникации) [Текст] / С. Хэцин, М.С. Милова-нова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2024. — № 6. — С. 63–76.
25. Цуй Я. Интегративное семантическое поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в лексико-семантическом пространстве китайского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я. Цуй. — Екатеринбург, 2021. — 243 с.
26. Шукурова М.А. Фразеологизмы как концептуализация языковой картины мира / М.А. Шукурова // Academic Research in Educational Sciences. Vol. 3 / Issue 10. 2022.
27. Яковец Т.Я. Когнитивные признаки концепта «любовь» во французских пословицах и поговорках [Текст] / Т.Я. Яковец // Вестник Сургутского государственного университета. — 2014. — № 3. — С. 98–100.
28. Яськова А.В. Концепт «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира [Текст] / А.В. Яськова // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. — 2017. — № 1. — С. 237–245.

Словари

29. Гуськова А.П. Популярный словарь русского языка, Толково-энциклопедический [Текст] / А.П. Гуськова, Б.В. Сотин. — М.: Русский язык — Медиа, 2003. — 869.
30. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь [Текст] / Г. Дьяченко. — М.: Отчий дом, 2009. — 720 с.
31. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. — М.: Астрель/АСТ, 2003. — 782 с.

References

1. Avdysheva E.G. Reprezentatsiya ponyatiya "Dusha" v raznostrukturnykh yazykakh: sopostavitelno-aksiologicheskii aspekt [Representation of the Concept "Soul" in Languages of Different Structures: A Comparative Axiological Perspective]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyi universitet, 2023. 445 p.
2. Agliullina K.G., Makashova V.V. Kontsept "Lyubov" v romane-epopeye Dzh.R.R. Tolkina "Vlastelin kolets" [The Concept "Love" in J.R.R. Tolkien's Epic Novel "The Lord of the Rings"]. Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2023. No. 4, pp. 62–70.
3. Apresyan Yu.D. Konnotatsii kak chast pragmatiki slova (leksikograficheskii aspekt) [Connotations as Part of Word Pragmatics (Lexicographic Aspect)]. Izbrannyye trudy. Tom 2. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya [Selected Works. Vol. 2. Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kultury", 1995, pp. 156–177.
4. Biryulina E.A. Aksiologicheskii kontsept "Gumannyi chelovek" v russkoy lingvokulture [The Axiological Concept "A Humane Person" in Russian Linguoculture]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. 2022. No. 1, pp. 116–125.
5. Boldyrev N.N. Dominantnyy printsip organizatsii yazyka i yazykovogo soznaniya [The Dominant Principle of Language and Linguistic Consciousness Organization]. Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]. 2020. No. 4, pp. 21–79.
6. Borisova L.V., Vladimirova O.G. Leksiko-semanticheskaya reprezentatsiya kontsepta LYUBOV v poeme K. Ivanova "Narspi" [Lexico-Semantic Representation of the Concept LOVE in K. Ivanov's Poem "Narspi"]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. 2025. No. 18, pp. 4157–4163.
7. Vendina T.I. Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavianskogo yazyka [Medieval Man in the Mirror of Old Church Slavonic]. Moscow, Indrik, 2002. 336 p.
8. Vorkachev S.G. Natsionalno-kulturnaya spetsifika kontsepta "lyubov" v russkoy i ispanskoy paremiologii [National-Cultural Specificity of the Concept "Love" in Russian and Spanish Paremiology]. Filologicheskiye nauki [Philological Sciences]. 1995. No. 3, pp. 56–66.
9. Danilenko I.A. Kognitivno-germenevticheskoye modelirovaniye arkhitektoniki dualnogo khudozhestvennogo kontsepta "lyubov — odinochestvo": na materiale proizvedeniya F.S. Fitzsdzheralda "The Great Gatsby" [Cognitive-Hermeneutic Modelling of the Architectonics of the Dual Artistic Concept "Love — Loneliness": Based on F.S. Fitzgerald's "The Great Gatsby"]. Avtoref. dis. ... k.f.n. Belgorod, 2019. 25 p.
10. Dmitrieva N.M. Moralno-nravstvennyye kontsepty v eticheskoy kontseptosfere russkoy yazykovoy kartiny mira [Moral and Ethical Concepts in the Ethical Conceptosphere of the Russian Language Worldview]. Monografiya. Orenburg, OGU, 2017. 196 p.
11. Dmitrieva N.M., Chulkina N.L. Transformatsii v semantike verbalizatorov eticheskikh kontseptov "lyubov" — "miloserdie" — "tselomudrie" — "dodetel" [Transformations in the Semantics of Verbalizers of the Ethical Concepts "love", "mercy", "chastity", "virtue"]. Rusistika [Russian Studies]. 2022. No. 1, pp. 52–67.
12. Ivanova I.A. Kontsept lyubov i yego kontseptosfera v istorii russkogo yazyka [The Concept of Love and Its Conceptosphere in the History of the Russian Language]. Avtoref. dis. k. filol. n. Moscow, 2006.
13. Karasik V.I. Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p.
14. Kisliitsyna N.N. Kontseptsiiya lingvisticheskoy konnotologii (kognitivno-diskursivnyy aspekt) [The Concept of Linguistic Connotation (Cognitive-Discursive Aspect)]. Dis. ... d.f.n. Simferopol, 2021.
15. Kuznetsova L.E. Lyubov kak lingvokulturnyi emotsionalnyy kontsept: assotsiativnyy i gendernyy aspekt [Love as a Linguocultural Emotional Concept: Associative and Gender Aspects]. Dis. k. filol. n. Volgograd, 2005. 210 p.
16. Kremshokanova M.Ch., Cheprakova T.A., Shibzukhova I.R. Kulturnyye kody kak aksiologicheskiye reprezentanty kontsepta "lyubov" [Cultural Codes as Axiological Representatives of the Concept "Love"]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. 2020. No. 7, pp. 251–255.
17. Lakoff George, Johnson Mark. Metafor, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. Translated from English by A.N. Baranov and A.V. Morozova, edited by A.N. Baranov. Moscow, 2004. 252 p.
18. Medvedeva N.E. Eksplikatsiya kontsepta "patriotizm" v mirovykh kulturakh: sopostavitelnyy analiz [Explication of the Concept "Patriotism" in World Cultures: A Comparative Analysis]. Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies]. 2025. No. 6, pp. 36–44.
19. Popova Z.D., Sternin I.A. Yazyk i natsionalnoye soznaniye [Language and National Consciousness]. Voprosy teorii i metodologii [Questions of Theory and Methodology]. 2002. No. 1, pp. 32–38.
20. Stepanov Yu.S. V trekhmernom prostranstve yazyka (Semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva) [In the Three-Dimensional Space of Language (Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, Art)]. Moscow, 1985. 314 p.
21. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar russkoy kultury [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proyekt, 2004. 992 p.
22. Teliya V.N. Metafora kak model smyslopoizvodstva i yego ekspressivno-otsenchnaya funktsiya [Metaphor as a Model of Meaning Production and Its Expressive-Evaluative Function]. Metafora v yazyke i tekste [Metaphor in Language and Text], ed. V.N. Teliya. Moscow, Nauka, 1988, pp. 26–51.
23. Uspenskiy V.A. O veshchnykh konnotatsiyakh abstraktnykh sushchestvitelnykh [On the Thingly Connotations of Abstract Nouns]. Semiotika i informatika [Semiotics and Informatics]. Moscow, 1979. Vol. 35, pp. 146–152.
24. Khetsin S., Milovanova M.S. Dinamicheskiye izmeneniya kontsepta lyubov v sovremennykh kommunikativnykh zhanakh (na

- materiale internet-kommunikatsii) [Dynamic Changes in the Concept of Love in Modern Communicative Genres (Based on Internet Communication)]. Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies]. 2024. No. 6, pp. 63–76.
25. Tsuy Ya. Integrativnoye semanticheskoye pole DOBROTA ↔ ZLOBA v leksiko-semanticheskom prostranstve kitayskogo i russkogo yazykov [Integrative Semantic Field KINDNESS ↔ MALICE in the Lexico-Semantic Space of Chinese and Russian]. Dis. ... k.f.n. Yekaterinburg, 2021. 243 p.
 26. Shukurova M.A. Frazeologizmy kak kontseptualizatsiya yazykovoy kartiny mira [Phraseological Units as Conceptualisation of the Language Worldview]. Academic Research in Educational Sciences. 2022. Vol. 3. No. 10.
 27. Yakovets T.Ya. Kognitivnyye priznaki kontsepta “lyubov” vo frantsuzskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Cognitive Features of the Concept “Love” in French Proverbs and Sayings]. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Surgut State University]. 2014. No. 3, pp. 98–100.
 28. Yaskova A.V. Kontsept “lyubov” v russkoy i kitayskoy yazykovykh kartinakh mira [The Concept “Love” in the Russian and Chinese Language Worldviews]. Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik VGUES [Territory of New Opportunities. Bulletin of VSUES]. 2017. No. 1, pp. 237–245.

Dictionaries

29. Guskova A.P., Sotin B.V. Populyarnyy slovar russkogo yazyka, Tolkovo-entsiklopedicheskiy [Popular Dictionary of the Russian Language, Explanatory-Encyclopaedic]. Moscow, Russkiy yazyk. Media, 2003. 869 p.
30. Dyachenko G. Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow, Otchiy dom, 2009. 720 p.
31. Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language], ed. D.V. Dmitriev. Moscow, Astrel / AST, 2003. 782 p.